

Генри Лайон Олди

Джинн по имени Совесть

*Часть сборника
Песни Петера Сълядека
(сборник)*

Хөнингский цикл

Генри Олди

Джинн по имени Совесть

«Автор»

2003

Олди Г. Л.

Джинн по имени Совесть / Г. Л. Олди — «Автор»,
2003 — (Хёнингский цикл)

«— Сядь! Петер Сълядек послушно сел на камень, прижимая к груди лютню. Инструмент напоминал сейчас больного ребенка, которого нерадивый отец потащил в холод и слякоть. Поверх обычной тряпицы лютня была завернута в кусок вонючей, промасленной кожи, и еще прикрыта овчиной кожуха. Спасибо юнакам, расщедрились. Иначе отсыреет, погибнет, а где тут, в теснинах Ястребаца, новую сыщешь?..»

© Олди Г. Л., 2003

© Автор, 2003

Генри Лайон Олди

Джинн по имени Совесть

«...и скажу тебе, сын мой, что когда приходит к нам Разлучительница Собраний и Разрушительница Наслаждений – то хвала Аллаху, милостивому и милосердному, если эта гостья приходит в положенный срок и зовут ее всего лишь Смерть. Потому что разные гости бродят под горбатым небосводом, званые и незваные, ища подходящий дом, куда можно зайти на минутку и остаться навсегда, неся хозяину в лучшем случае – удивление...»

Из наставлений Ахмада Джаммала своему сыну.

*Судьба ни при чем,
И беда ни при чем,
И тот ни при чем,
Кто за левым плечом...*

Ниру Бобовай

– Сядь!

Петер Сьядек послушно сел на камень, прижимая к груди лютню. Инструмент напоминал сейчас больного ребенка, которого нерадивый отец потащил в холод и слякоть. Поверх обычной тряпицы лютня была завернута в кусок вонючей, промасленной кожи, и еще прикрыта овчиной кожуха. Спасибо юнакам, расщедрились. Иначе отсыреет, погибнет, а где тут, в теснинах Ястребаца, новую сыщешь?..

Легкий жар кружил голову. По хребту взапуски бегали скрипучие мурашки. Глаза слезились, окружающие бродягу скалы казались великанскими кусками сыра с плесенью. Петер поминутно чихал, пряча нос в кудлатый воротник. Не дай Бог, услышит грозный Вук Мрнявчевич, а того пуще ирод Радоня, правая рука вожака, – чихалку отрежут! Хотелось лечь, зажмуриться и сдохнуть без покаяния. Не иначе сатана, колченогий насмешник, подсказал сплавляться вместе с плотогонами вниз по Драве, в самое сердце Черной Валахии. Вечерами старый сплавщик Гргур учил Петера брэнчать на ляхуте-пятиструнке, распевая местные сказки. Среди них встречались забавные, встречались гордые; смешные тоже встречались, но дело, как правило, завершалось однообразно:

– Саблюю взмахнул болящий Дойчин,
Голову отсек он побратиму,
Голову его на саблю вскинул,
Из глазниц его глаза он вынул,
Кинул голову на мостовую...

«Зачем глаза-то? – допытывался Петер у старого сплавщика. – Зачем?!» Гргур удивленно супил космы бровей: «Как зачем? Любимой подаришь, любимая расцелует, к сердцу прижмет!» Петер тогда думал, что старик шутит. Наверное, потому, увлекшись игрой на ляхуте и валашскими мелодиями, двинулся дальше, – через Брду, на юго-восток. Поначалу все шло хорошо: местные крестьяне с интересом внимали пришельцу, кормили досыта, с охотой пускали переночевать. Знакомили с бородачами-сказителями, и Петер слушал взахлеб, машинально пропуская мимо ушей знакомое: «Кинул голову на мостовую...»

Пока не утлублился в горы.

Здесь народ пошел менее приветливый. А на Шар-планине, заблудившись в отрогах, Петер наткнулся на юнаков Вука Мрнявчевича. На шайку, одним словом, хотя юнаки за шайку

били, а свою ораву вызывающе именовали *четой*. Плохо понимая, в чем состоит вызов, и чем здешняя *чета* отличается от обычной шайки, Петер сперва не испугался. Грабителям с бродяги взять нечего, а убивать беспомощного путника за просто так – ни себе чести, ни жожаку славы. Вот тут певец угадал и ошибся одновременно. Убивать его действительно никто не стал. Даже накормили, обогрели. Заставили петь до рассвета. А потом юнакам захотелось славы.

И Петера Сьядека оставили в *чете*.

Будешь юнаком, сказали. Будешь в золоте купаться, сказали. Вот кожух, вот сапоги. Каши просят, но ладно. Мы тоже просим, да не всегда дают. Вот кусок прогорклого сала – ешь. Бежать вздумаешь, сказали, голову на саблю вскинем, из глазниц глаза вытащим. «Кинем голову на мостовую,» – обреченно кивнул Петер. Во-во, сказали. Кинем. А не будет мостовой, так кинем, на травку. У Петера не было оснований не доверять столь веским обещаниям. Таскаясь за юнаками по Шар-планине, он быстро догадался, в чем дело. Грозный Вук Мрнявчевич, вожак *четы*, грезил славой какого-то «старины Новака», а его помощник, злой и вечно голодный Радоня, завидовал «Радивою Малому». Про этих героев Петер слышал от сплавщика Гргура, и недоумевал: чему там завидовать? Но, видимо, у ирода Радони были свои представления об известности.

По вечерам, после скудного ужина, Петера усаживали в круг. Требовали песен, учили различать местные племена, вечно враждующие друг с другом: хвалить надо было белопавличей и босоножичей, а также пиперов, бранить подлых морачей, васоевичей и грязных роваци. Путаясь в названиях, не зная, как воспевать бессмысленные скитания в скалах, Петер судорожно выискивал хоть какие-то события. Позавчера заходили в Крушевцы. Забрали козу у хромой старухи. Местный бондарь косо посмотрел на юнаков – дали бондарю по шее. Забрали бочку. Потом передумали, расколотили бочку на доски и забрали мешок пшена. Сейчас вот кулеш варим. Мясо козье, жесткое, пшенка с жучками.

Горного лука нарвали, сдобрили кулеш.

– Пир пирует грозный Вук Мрнявчевич,
На зеленом стане Ястребаца:
Рядом побратим Стоян Радоня,
Рядом тридцать вояков-юнаков,
Мило им вина напиться вдосталь...

Сбежать он не пытался. Одолевал страх. Заблудиться в гиблых местах легче легкого. Свалишься в пропасть, достанешься волкам или медведю. Или того хуже: догонят, начнут терзать. Они ведь как дети: чванные, самолюбивые... Жестокие. Деться некуда, обратного пути тоже нет, – вот и мечутся. Их бы пожалеть, да Вуку с Радоней не жалость, слава требуется.

Куда ни кинь, всюду клин.

С утра Петеру стало плохо. Заложенный нос вынуждал дышать ртом, в висках плясали чертенята, кашель и чих вынимали душу. Глотая, он едва сдерживался, чтоб не заплакать, – так было больно. Воспаленная глотка притворялась входом в ад. А тут Радоня прибежал: "Караван! Караван идет! *Чета*, за дело!" Вук схватил Петера за шиворот: «Не отставай! После воспоешь...» Скалы завертелись в безумной пляске, узкие тропинки вились гадючьим кублом, Петер трижды падал, будучи вздернут на ноги мощной лапой Вука, за спиной топотали сапоги юнаков, пыхтел Радоня, осыпь шуршала по склону, и когда в несчастную, измученную голову толкнулся приказ «Сядь!..», бродяга счел это высшим благом на свете.

Сидеть довелось недолго.

На дороге, проходящей ниже засады, раздался стук множества копыт, окрики погонщиков. Заржала лошадь, потом еще одна.

– Эй! – грозный Вук встал во весь рост, вынимая саблю из ножен. – Стой, приехали!

Грабить будут, равнодушно подумал Петер, изо всех сил стараясь не опрокинуться в пыль беспамятства. Это не коза с пшенкой, это караван. Надо хоть глазком!.. вечером они воспевать затребуют... Привстать оказалось труднее, чем сдвинуть гору. Сдерживая кашель, бродяга наклонился вперед, рискуя свалиться с камня на головы караванщикам. Сморгнул слезы. Внизу на дороге толкалось десятка два вьючных лошадей и мулов, растянувшись длинной цепочкой. Охранники (или просто погонщики?) удрученно смотрели на юнаков, вооруженных луками и пращами, – бодро голося для устрашения, юнаки рассыпались по склону. Боя, судя по скучному выражению лиц, не намечалось. Охранникам мало хотелось «голову на мостовую».

Рядом гордо сопел Вук, помахивая сабелькой.

– Это ты, Мрнявчевич?

Голос был густой, как смола. В таком сразу вязнешь и молишь Бога, чтоб костер не развели. Петер взгляделся, плохо соображая, кого он ищет там, внизу.

– Ну, я...

Ответ Вука прозвучал скомканно, невпопад, словно вожак собирался ответить что-то другое, но внезапно передумал.

– Ты обожди, я к тебе сейчас подымусь!

Вскоре рядом с Петером выглянула голова в мохнатой шапке. Морщинистое, смуглое лицо, борода грязно-белая. Но карабкался человек не по-стариковски резво. Вук посторонился, уступая место на тропе. И некоторое время молчал, давая человеку время восстановить дыхание. Все-таки в его годы по скалам лазить...

Жилистый, малорослый дядька отряхнул халат. Снял шапку, вытирая лицо. Под шапкой обнаружилась затертая, некогда зеленая чалма. Прежде чем начать разговор, он скосился себе за левое плечо, будто высматривал спутника-невидимку. Высмотрел, кивнул то ли подсказке призрака, то ли собственным мыслям.

Строго нахмурился.

– Тебе не стыдно, Вук?

Петер ожидал чего угодно. Самым вероятным был взмах Вуковой сабли. Но жар, видимо, усилился, потому что начался бред. Грозный Вук съезжился, нахохлился мокрой курицей. Опустил клинок в ножны, шагнул ближе.

Ветер, налетев от Ястребаца, взъерошил кудри вожака, распушил бороду пожилому караванщику.

– Я не знал, что это ты их ведешь, Керим-ага. Думал: какой-другой караван-баши. Радоня прибежал, кричит...

– Изголодались?

– Есть маленько. У парней в Брде кровники, им вниз соваться опасно.

– Говоришь, не знал, что я веду? А если б другой вел? Ограбил бы?!

– Да, Керим-ага. Жизнь, сам понимаешь...

– Помнишь, я в прошлый раз спрашивал: «У тебя совесть есть?!»

– Помню. Ты спрашивал, а я и тогда ответил, и сейчас отвечаю: «Есть у меня совесть!» Только разная она, совесть, – у каждого своя...

Подбежал злой Радоня. «Вук! Да чего ты с этим! С этим!..» Договорить не успел. Шагнув к побратиму, вожак с размаху ткнул ему кулачищем в зубы. Брызнула кровь, Радоня качнулся, упал. На четвереньках отполз в сторонку, тихо бранясь, стал утираться пучком жухлой травы.

– Ты прости его, Керим-ага. Он тебя не знает.

– Аллах простит. Ладно, Вук. Тебе нас грабить никак нельзя. У меня в караване птенцы, сыновья купеческие. Совсем мальчишки. Их отцы по первому разу в путь отрядили. Напугаешь до смерти, потом век удачи торговой не видать. Да и без барыша мы, только-только из Влеры в Драгаш идем... Давай по совести: ты нас пропускаешь, а я тебе в Драгаше, как расторгнемся, «горную» долю оставлю. Ты скажи, кому передать...

«Вук! Он врет! Он зажилит долю, Вук!..» – битый Радоня заткнулся, едва поймал многообещающий взгляд жоака. Сплюнул ржавой слюной. Переминаясь с ноги на ногу, ждали юнаки на склоне; на дороге уныло мялись караванщики. Петер разглядел: среди них действительно большинство было молодых, не старше самого Петера, а то и младше.

– Ладно. Оставишь у Вредины Халиля. Я после заберу.

– А это кто? – очень темные, влажные глаза караван-баши остановились на Петере.

– Бродяга. Песни петь мастак. Мы его для славы подобрали.

Прежде, чем продолжить, Керим-ага снова глянул себе за левое плечо. Обождал, подумал. Осуждающе воззрился на Вука:

– Был ты, Мрнявчевич, бахвалом, бахвалом и остался. Кто ж песню силком из души тянет?! Помрет он у вас, в горах, по дождю-холоду, и вся тебе слава. Вишь, хворает, еле сидит. Пускай с нами едет: я его до Вржика доведу, а то и до самого Драгаша. Глядишь, оклемается...

Последнее, что запомнил Петер: его привязывали к седлу вьючной лошади.

Крепко-крепко.

На лицах молодых караванщиков не было радости по поводу лишней обузы, но счастливое избавление от юнаков Мрнявчевича перекрывало все. Рядом стоял молчаливый Керим-ага. Петер Сълядек хотел поблагодарить караван-баши за милосердие, но тут из-за плеча Керима-аги выглянул черный, похожий на мавра детина в одной набедренной повязке, зажимавший ладонью шею, откуда струился вязкий дым, – и бродяга понял, что падает в горячку.

Потому что голые мавры, истекающие огнем и дымом, не встречаются на Ястребаце.

* * *

– А денег не хватит...

– Плевать! Расторгнемся, наскребем... Ты видел этих невольниц? Целенькие, ядреные! И не какие-нибудь черногорки, которые рады тебе ночью глотку перегрызть – пышечки-валашечки, скромницы-труженицы!

– А денег все равно не хватит. Даже если расторгнемся...

– Заладил! Возьмем кредит. Здесь полно ростовщиков: ломбардцев, авраамитов... Хюсену Борджалии всякий одолжит!

– Ты уже ходил к ростовщикам. Тайком от Керима-аги.

– Ну и что? Раз отказали, в другой согласятся. Это они выкобениваются, чтоб процент зависить. Я сегодня к ним Али послал, по-новой.

– Согласились?!

– Согласятся, куда денутся... Велели передать: зайдут на постоялый двор, хотят лично обсудить. Ты ж меня знаешь, я мертвого уговорю!

– Мертвый кредитов не дает. Зря ты от Керима-аги скрыл...

– Как же, зря! Он вечно носом крутит: стыдно, не стыдно! Я, сын Мустафы Борджалии, буду советоваться с каким-то ничтожным караван-баши?!

Петер лежал с закрытыми глазами, вяло слушая спор молодых купцов. Говорили по-арнаутски, обильно пересыпая речь как валашскими, так и турецкими словечками. Понятно с пятого на десятое, только что там понимать? – один хочет закупить невольниц, второй сетует на нехватку денег... Голова совсем не болела, горло слегка саднило, но в целом жизнь явно налаживалась. Тепло, сухо. Пошевелившись, он с интересом ощутил, что одет в чужое. И до подбородка укрыт колючим верблюжьим одеялом.

– И все равно зря... Мне отец велел: слушайся, Гасан, Керима-агу! Как меня слушайся! Он дурного не присоветует...

– Ха! Вот и слушайся, деточка! А я своим умом крепок. Твой Керим, видал, с Вуковыми башибузуками запанибрата! Я только за саблю, а он уже – шиш-гашиш, як-терьяк! Лучшие друзья! Точно говорю: они ему с «горной доли» отстегивают...

– Тихо! Вон он идет...

Петер заворочался. Мало-помалу пробуждалась память: дорога, крепкая рука Керима-аги, не дающая упасть, горячее питье пахнет травами и медом, тело потное, расслабленное, тело хочет спать...

– Где я? – шепнул бродяга.

– В предместьях Вржика, на постоялом дворе. Ты лежи, лежи...

Повернуть голову удалось легко. Даже странно. Петер рискнул сесть – получилось с первой попытки. Запахнул на голой груди халат.

– Лютня! – запоздалый озноб взбежал по хребту. – Где моя лютня?!

– Здесь твоя лютня. В углу лежит, целехонькая.

– Мне нечем вам заплатить. У меня ничего нет, кроме песен...

Стоявший рядом Керим-ага привычно глянул себе за левое плечо. Дождался невидимой улыбки, сам улыбнулся в ответ. Словно передал Петеру чей-то подарок.

Молодые купцы успели исчезнуть. Сейчас они были наедине.

– Хорошо. Заплатишь песнями. Только позже. А сейчас тебе надо спать. Опоздай я на день-два, эти горные бараны умучили б тебя до смерти!

– Я не хочу спать...

– Ну и что? Временами приходится делать то, чего не хочешь... Давай, я расскажу тебе сказку. Чтоб слаще спалось.

– Про кого?

– Ну, давай подумаем. Про Четобаше Муйо или Халиля Соколе лучше не надо – трудно спать под звон клинков! Про Талимэ Девойку? Нет, тебе нынче не до женщин. После такого приснится злая *штойзвола*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.